

УДК 81.255.4

**ИМПЛИКАТУРЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА
 В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА
 Л.Р. Безуглая (Харьков, Украина)**

Л.Р. Безуглая. Импликатуры поэтического текста в аспекте перевода. Закономерности воспроизведения импликатур при переводе поэтических текстов рассматриваются на материале переводов миниатюр Маши Калеко и Роберта Гернгардта Генрихом Ейгером. Основной чертой импликатуры является то, что она намеренно вкладывается автором в высказывание. Создавая поэтический текст, автор имеет две разновидности интенции: 1) референтивную, которая связана с референцией – соотносением слов с положениями вещей внешнего мира, и 2) эстетическую – позитивное эмоционально-оценочное отношение к создаваемой вербальной форме. Импликатуры поэтического текста отражают и референтивную, и эстетическую интенцию. Они одновременно реферируют и к положениям вещей внешнего мира (собственно референция), и к словам (авто-референция). Поэтому их воспроизведение в переводе имеет двойное значение – как для передачи содержания текста, так и для отображения идиостиля автора. Каждая импликатура принадлежит к одному из двух уровней коммуникации, которые выделяются в художественном тексте: а) вертикальному – коммуникация между автором и читателем, б) горизонтальному – коммуникация между персонажами текста. Установлено два случая воспроизведения импликатур исходного текста – сохранение и утрата. В первом случае имеются три возможности: 1) переводчику удастся воспроизвести импликатуру такими же средствами, как она выражена в оригинале; 2) оригинальное высказывание, порождающее импликатуру, отличается грамматически от текста перевода; 3) переводчик вынужден использовать другие языковые средства для воспроизведения импликатуры. Во втором случае имеются три возможности: 1) экспликация импликатуры, 2) замена ее на другую импликатуру, 3) полная утрата.

Ключевые слова: высказывание, Г. Ейгер, импликатура, интенция автора, М. Калеко, перевод, поэтический текст, Р. Гернхардт, уровни коммуникации.

Л.Р. Безугла. Імплікатури поетичного тексту в аспекті перекладу. Закономірності відтворення імплікатур при перекладі поетичних текстів розглядаються на матеріалі перекладів мініатюр Маші Калеко та Роберта Гернгардта Г. Ейгером. Головною рисою імплікатури є те, що вона навмисно вкладається автором у висловлення. Створюючи поетичний текст, автор має два різновиди інтенції: 1) референтивну, яка пов'язана із референцією – співвіднесенням слів зі станами речей зовнішнього світу, та 2) естетичну – позитивне емоційно-оцінне ставлення до створюваної вербальної форми. Імплікатури поетичного тексту відображають і референтивну, і естетичну інтенцію. Вони одночасно реферують і до станів речей зовнішнього світу (власне референція), і до слів (авто-референція). Тому їх відтворення у перекладі має подвійне значення – як для передачі змісту тексту, так і для відображення ідіостилю автора. Кожна імплікатура належить одному з двох рівнів комунікації, які виокремлюються у художньому тексті: а) вертикальному – комунікація між автором і читачем, б) горизонтальному – комунікація між персонажами тексту. Встановлено два випадки відтворення імплікатур вихідного тексту – збереження і втрата. У першому випадку наявні три можливості: 1) перекладачу вдається відтворити імплікатуру такими ж засобами, як її виражено в оригіналі; 2) оригінальне висловлення, що породжує імплікатуру, відрізняється граматично від тексту перекладу; 3) перекладач мусить використовувати інші мовні засоби для відтворення імплікатури. В другому випадку наявні три можливості: 1) експлікація імплікатури, 2) заміна її на іншу імплікатуру, 3) повна втрата.

Ключові слова: висловлення, Г. Ейгер, імплікатура, інтенція автора, М. Калеко, переклад, поетичний текст, рівні комунікації, Р. Гернгардт.

L.R. Bezugla Implicatures of poetic text: translation methods. Consistent patterns of conveying implicatures in translating poetic texts are described on material of Mascha Kaléko's and Robert Gernhardt's miniatures translated by Genrikh Yeyger. The main feature of implicature is that it is enclosed in utterance intentionally by the speaker. Creating a poetic text, the author has two kinds of intentions – 1) referential intention which is connected with reference – correlation of words and states of affairs in the outside world, and 2) aesthetic intention – author's positive emotional-appraisive attitude to the verbal form being created. Implicatures in poetry reflect both referential and aesthetic intentions. They simultaneously refer to states of affairs in the outside world (the reference itself) and to words (self-reference). That is why their reproduction in translation is twice as important – for recreating text content as well as reflecting author's individual style. Each implicature belongs to one of two communication levels distinguished in literary text: a) vertical – communication between author and reader; b) horizontal – communication between characters of a text. The two ways of conveying implicatures of original text are determined: keeping and losing implicature. In the first case there are three possible options: 1) translator manages to convey an implicature by using the same means as in the original; 2) the original utterance containing an implicature can slightly differ grammatically from the translated equivalent; 3) translator has to use other suitable language means to reproduce an implicature;. In the second case there are three options: 1) explication of an implicature; 2) substitution with another implicature; 3) complete loss.

Key words: author's intention, communication levels, G. Yeyger, implicature, M. Kaléko, R. Gernhardt, poetic text, translation, utterance.

Введение

Речь человека пронизана скрытыми, имплицитными смыслами, которые не выражены буквально, но выводятся – с разной степенью осознанности – на основе буквальных значений языковых единиц.

Воспроизведение имплицитных смыслов при переводе представляет одну из важнейших проблем, решение которой является актуальной задачей переводоведения и неизменно привлекает исследователей (см. например: [Баклан 2016; Кашичкин 2003; Нефедова 2001]).

Действенным инструментом установления закономерностей воспроизведения имплицитных смыслов при переводе представляется теория импликатур Г.П. Грайса [Grice 1993], популярная в западном языкознании. Считается, что она «принадлежит к обязательным трюизмам общей лингвистической эрудиции» [Harras 1999: 2], являясь одним из значительнейших лингвистических открытий 20-го века [Heringer 1994: 40]. Наименование «открытие» может вызвать возражение – открыть можно лишь объективно существующую в природе сущность, а теория импликатур представляет собой скорее эпистемологический инструмент анализа того, что скрыто между строк. Тем не менее, другой подобной теории, дающей возможность системно описать все разнообразие имплицитных смыслов в речевой коммуникации, пока не создано.

Будучи языковой универсалией, импликатуры проявляют и национально-культурное своеобразие, прежде всего, в плане способов языкового выражения [Heringer 1994: 47]. Выявление межкультурной специфики импликатур дает выход и в лингводидактику [Безугла 2013а; Bouton 1994], и в теорию перевода.

Цель настоящей статьи – установить закономерности воспроизведения импликатур поэтических текстов в переводе. Материалом послужили поэтические миниатюры немецкоязычных авторов Маши Калеко и Роберта Гернхардта, переведенные на русский язык Генрихом Ейгером.

Генрих Ейгер – профессор Харьковского университета им. В.Н. Каразина, ныне живущий в Германии. Помимо плодотворной научной деятельности (статьи по проблемам теории коммуникации, переводоведения, лингвистики текста и психолингвистики)

он выпустил две книги поэтических переводов с немецкого на русский и с русского на немецкий.

Вначале есть смысл рассмотреть понятие импликатуры и определить специфику импликатур поэтического текста. Затем обратимся непосредственно к возможностям воспроизведения импликатур поэтических текстов Маши Калеко и Роберта Гернхардта в переводах Генриха Ейгера.

Теория импликатур и поэтический текст

Импликатура представляет собой имплицитный смысл высказывания, который намеренно вкладывается в него адресантом и выводится адресатом в дискурсе.

По Г.П. Грайсу, коммуниканты, общаясь, руководствуются основополагающим принципом кооперации, который состоит в том, что они принимают цели и установки друг друга, какими бы те ни были, иначе общения не происходит [Grice 1991: 26]. Этому принципу подчинены разговорные максимы, предписывающие, что высказывание должно:

- 1) быть в меру кратким и достаточно информативным (максимы количества);
- 2) быть искренним (максимы качества);
- 3) действительно касаться соответствующей ситуации (максима релевантности);
- 4) быть ясным и недвусмысленным (максимы способа) [ibid.: 30].

Принцип кооперации и разговорные максимы лежат в основе когнитивного механизма вывода адресатом импликатуры, вложенной адресантом в высказывание. С большей или меньшей степенью автоматичности и осознанности адресат делает цепочку умозаключений, в частности:

- когда буквальная интерпретация высказывания не устраивает адресата, это должно свидетельствовать о нарушении какой-либо максимы адресантом;
- однако для адресата очевидно, что адресант не имеет оснований не следовать принципу кооперации, поскольку продолжает общение;
- адресат приходит к выводу, что это нарушение намеренное и адресант «эксплуатирует» максиму, вкладывая в свои слова нечто большее, чем они конвенционально означают;
- анализируя высказывание и контекст, адресат выводит имплицитно выраженный в высказывании смысл – импликатуру.

Один из ярких примеров импликатуры принадлежит С. Левинсону [Levinson 2001: 138]:

– *Was ist mit dem Braten passiert?*

– *Der Hund sieht sehr zufrieden aus. +> Der Hund hat den Braten gefressen* (знак «+>» означает «импликатирует» [Meibauer 2001: 27]).

Вывод этой импликатуры представляет собой приблизительно следующую цепочку умозаключений адресата (ср.: [Levinson 2001: 124]):

- 1) я спросил, что случилось с мясом;
- 2) мой собеседник ответил, что собака выглядит довольной;
- 3) он нарушил максиму релевантности – его высказывание касается собаки, хотя я спросил о мясе;
- 4) у меня нет причин предполагать, что собеседник не придерживается принципа кооперации, потому что он ответил на мой вопрос;
- 5) значит, он нарушил максиму релевантности осознанно и намеренно, чтобы вложить в свои слова какой-то небуквальный смысл;
- 6) чтобы сказать, что собака выглядит довольной, придерживаясь принципа кооперации, собеседник должен иметь в виду, что именно собака съела мясо;

7) он должен знать, что мы оба знаем, что предполагается, что собака съела мясо, если выходить из того, что он кооперативен;

8) он ничего не сделал, чтобы заставить меня, своего собеседника, не верить, что собака съела мясо;

9) следовательно, наверное, он хотел, чтобы я поверил, что собака съела мясо, и, говоря, что собака выглядит довольной, он имел в виду, что она довольная, потому что съела мясо.

Главное свойство импликатуры состоит в том, что она является интендируемой, т.е. вкладывается в высказывание адресантом намеренно, будучи отображенной в его коммуникативной интенции в виде перлокутивной цели – адресант намеревается воздействовать на адресата так, чтобы тот вывел импликатуру. Выводимость является, таким образом, другим свойством импликатуры.

Импликатуры подразделяются Грайсом на конвенциональные и конверсационные. Импликатура является конвенциональной, если «ее определяет конвенциональное значение употребляемых слов» [Grice 1991: 25], иначе она квалифицируется как конверсационная, «будучи связанной с определенными чертами дискурсивного контекста» [ibid.: 26], к которым относится принцип и максимы кооперации. Языковые элементы, к которым привязаны конвенциональные импликатуры, – это своего рода триггеры, которые вызывают активацию импликатуры в сознании коммуникантов, адресант использует их для интендирования импликатуры, а адресат – для ее выведения.

Теория импликатур создавалась с опорой на разговорный дискурс. Поэтому на первый взгляд, она не может быть применена к поэтическому тексту. С другой стороны, поэзии присуща иносказательность, глубина и смысловая емкость каждой строки, создающаяся имплицитными смыслами. Вспомним основной внутренний закон поэтического искусства, сформулированный Е.Г. Эткиндром – «максимальная сжатость словесного пространства при беспредельной емкости жизненного содержания» [Эткинд 2004: 125]. Иными словами, поэзии присуща иносказательность, глубина и смысловая емкость каждой строки, создающаяся имплицитными смыслами. Именно высокая концентрация имплицитных смыслов в поэтическом тексте говорит в пользу применения теории импликатур для его анализа.

Импликатуры поэтического текста имеют свою специфику, которая определяется свойствами поэтического текста в целом, а именно ведущей ролью эстетической функции языка, автореферентивностью, первенством языковой формы и фикциональностью. Эстетическая (поэтическая) функция языка, предполагающая рассмотрение речевого сообщения как произведения словесного искусства [Якобсон 1975: 193], основана на автореферентивности – сосредоточении на словах ради самих слов, что обуславливает первенство языковой формы над содержанием текста, в результате чего становится закономерной фикциональностью – принцип несоответствия слова и реальной действительности.

В этой связи становится очевидным, что не все имплицитные смыслы поэтического текста являются импликатурами, а только намеренные, входящие в интенцию автора.

Специфическими чертами авторской интенции поэтического текста являются: ограниченность репрезентационным уровнем, фикциональностью, текстовое выражение, двойственный характер – одновременная реализация двух видов интенции – референтивной и эстетической (более подробно об этом см. [Безуглая 2013b]).

Импликатуры поэтического текста отражают не только референтивную интенцию автора, но и эстетическую. Референтивная интенция автора предполагает отражение положений вещей внешнего мира, эстетическая – его положительное эмоционально-оценочное отношение к создаваемой словесной форме. Создавая поэтический текст, автор сосредоточен не только на его содержании, но и на самих словах, на гармонии словесных комбинаций, на возникающих образах и ассоциациях.

Импликатуры в поэзии одновременно реферируют и к положениям вещей внешнего мира (собственно референция), и к словам (авто-референция). Поэтому их воспроизведение при переводе вдвойне значимо – и для воссоздания содержания текста, и для отражения идиостиля автора.

Импликатура является продуктом акта коммуникации. Коммуникация же имеет в поэтическом тексте свою специфику. Адресантом поэтического текста выступает его автор, поэт, а адресатом (в соответствии с классификацией Г.Г. Почепцова [Почепцов 2009: 450]) может быть реальный человек, обобщенный, коллективный адресат (читатель, современники, все человечество), а также не прямой адресат, квазиадресат (неживой предмет, божественная сущность), или же сам автор (об особенностях поэтической коммуникации см. [Безуглая 2013b]).

Для анализа импликатур поэтического текста важно, что в поэзии, как и в художественной литературе в целом, выделяются два уровня коммуникации: 1) вертикальная – коммуникация автора с читателем, и 2) горизонтальная – коммуникация персонажей друг с другом, если таковые имеются в поэтическом тексте (см. обзор в [Безугла 2007: 68]). Соответственно, импликатуры относятся к тому или иному уровню.

Соотношение импликатуры и порождающего высказывания имеет три типа:

1) и импликатура, и высказывание, ее порождающее, относятся к вертикальной коммуникации;

2) и импликатура, и высказывание, ее порождающее, относятся к горизонтальной коммуникации;

3) высказывание, порождающее импликатуру, относится к горизонтальной коммуникации, а сама импликатура – к вертикальной.

Следует подчеркнуть, что для анализа с позиций теории импликатур приемлема не всякая поэзия. Наиболее частотны импликатуры в коротких, афористичных стихах – миниатюрах. Миниатюра – небольшое стихотворение законченной формы с глубоким содержанием. Основная мысль, как правило, подается в скрытой форме, т.е. является импликатурой. Миниатюры характерны для творчества Маши Калеко и Роберта Гернхардта. Такие стихи привлекательны для переводчика именно задачей (порой очень сложной) воспроизвести импликатуры. С этой задачей успешно справляется Генрих Ейгер.

Воспроизведение импликатур в переводе миниатюр

Маши Калеко и Роберта Гернхардта Генрихом Ейгером

Чаще всего переводчику удается сохранить импликатуру. В идеальном случае сохраняются и структурно-семантические характеристики порождающего ее высказывания. В качестве примера рассмотрим стихотворение Маши Калеко „Unbescheidene Bescheidenheit“:

Mascha Kaléko
UNBESCHIEDENE BESCHIEDENHEIT

„Das ist ein so bescheidener Mensch!
Den mag jeder leiden“.
Wenn dies sein einziger Vorzug ist –
Worauf ist er so bescheiden?

+> *Wenn er keine Vorzüge hat, gibt es keinen Grund ihn bescheiden zu nennen*

Генрих Ейгер
НЕСКРОМНАЯ СКРОМНОСТЬ

«Он скромный человек!
Тем он приятен всегда».
Но если это единственный плюс –
То в чем его скромность тогда?

+> *Если у него нет достоинств, нет основания называть его скромным*

Переводчику удастся передать импликатуру, использовав те же средства, что и в оригинале. Триггером импликатуры выступает лексема *bescheiden*. В первой половине катрена имеется в виду первое значение этого слова – ‘простой, умеренный’. А в импликатуре актуализируется второе значение – ‘сдержанный в демонстрации собственных достоинств’.

Риторический вопрос *Wenn dies sein einziger Vorzug ist – Worauf ist er so bescheiden? / Но если это единственный плюс – То в чем его скромность тогда?* порождает импликатуру +> *Wenn er keine Vorzüge hat, gibt es keinen Grund ihn bescheiden zu nennen / Если у него нет достоинств, нет основания называть его скромным.*

Для переводчика облегчающим обстоятельством явилось то, что немецкое *bescheiden* и русское *скромный* полностью совпадают в семантике.

В приведенном стихотворении импликатура представляет вертикальный уровень коммуникации – автора с читателем, как и порождающее ее высказывание (первый тип соотношения импликатуры и порождающего высказывания).

Исходное высказывание, содержащее импликатуру, может немного отличаться грамматически от переводного соответствия. Например, в стихотворении Маши Калеко „Herz contra Hirn“ импликатура +> *Intuition ist wichtiger als Hirn / Интуиция важнее разума* порождается словами персонажа Интуиции *Ach, das...? – Das wusst ich immer schon*, где глагол стоит в прошедшем времени. Соответствующее русское *Ах, это...? Я давно уж знаю* содержит глагол в настоящем времени:

Mascha Kaléko

Генрих Ейгер

HERZ CONTRA HIRN

ИНТУИЦИЯ ПРОТИВ РАЗУМА

Wie müht sich unser Intellekt,
bis er ein Körnchen Gold entdeckt:
Drauf gähnt Madame Intuition:
„Ach, das...? – Das wusst ich immer schon!“

Как много разуму трудиться,
Чтоб истины найти крупицу:
А интуиция зевает:
«Ах, это...? Я давно уж знаю».

+> *Intuition ist wichtiger als Hirn*

+> *Интуиция важнее разума*

Примечательно, что, хотя порождающее импликатуру высказывание представляет слова персонажа, импликатура относится к вертикальной коммуникации (третий тип соотношения импликатуры и порождающего высказывания).

Импликатура может сохраняться в переводе, однако порождающие высказывания в оригинале и в тексте перевода различаются в структурно-семантическом отношении. Пример – стихотворение Роберта Гернхардта „Basis und Überbau“:

Robert Gernhardt
BASIS UND ÜBERBAU

Генрих Ейгер
БАЗИС И НАДСТРОЙКА

Die Basis sprach zum Überbau:
„Du bist ja heut schon wieder blau!“
da sprach der Überbau zur Basis:
„Was is?“

Надстройке базис говорит:
«Да от тебя опять разит!»
Надстройка ответила базису так:
«П-п-п-у-сс-тяк!»

+> *Du bist betrunken*
+> *Der Überbau ist sehr betrunken*

+> *Ты пьяна*
+> *Надстройка очень пьяна*

Видя название, читатель невольно ждет какой-то скрытый философский смысл, однако, как оказывается, персонажи Базис и Надстройка введены автором по вполне безобидному поводу – эти слова создают хорошую рифму: *Überbau – blau, Basis – Was is?* Автор сосредотачивается на красоте слова – наблюдаем отражение его эстетической интенции. Он наслаждается формой – рифмой, ритмом, интонацией, сплетением слов и импликатурами, которые они порождают. Базис и надстройка персонифицируются – предстают людьми, которым ничего не чуждо. На основе неконгруэнтности между претензией на философию и приземленным смыслом возникает юмористический эффект.

Все это прекрасно передано в переводе (хотя ритм несколько отличается, что в данном случае не важно). Здесь наблюдаем коммуникацию двух уровней. Первая импликатура относится к горизонтальному уровню: Базис передает Надстройке смысл +> *Du bist betrunken / Ты пьяна*. Это конвенциональная импликатура, привязанная к значению фразеологической единицы *blau sein*, которая выступает ее триггером. Имеет место второй тип соотношения импликации и порождающего высказывания.

Вторая импликатура, хоть и вкладывается автором в слова Надстройки, относится к интенции автора, а не Надстройки: укороченным стихом автор передает читателю смысл +> *Der Überbau ist sehr betrunken / Надстройка очень пьяна*, таким образом, наблюдаем третий тип соотношения импликации и порождающего ее высказывания.

Хотя импликатура полностью сохранена в переводе, языковые средства для ее порождения применены другие, абсолютно адекватные: *du bist blau* заменяется на *от тебя разит, Was is?* – на графически выделенное *П-н-н-у-сс-тяк*. Кроме того, происходит замена рода персонифицированных существительных: в немецком языке говорит трезвая женщина *Basis* и пьяный мужчина *Überbau*, в русском – трезвый мужчина *Базис* и пьяная женщина *Надстройка*.

Импликатура не всегда сохраняется при переводе. Если импликатуру невозможно сохранить, переводчик ее эксплицирует. Этот принцип применен Г. Ейгером в следующем стихотворении Маши Калеко. Метафорическая импликатура +> *Mein schönstes Gedicht wohnt in meiner Seele* передается эксплицитно – *Он в глубине души*:

Mascha Kaleko

***

Mein schönstes Gedicht.

Ich schrieb es nicht.

Aus tiefster Tiefe stieg es.

Ich schwieg es.

Генрих Ейгер

***

Мой лучший стих?

Возник и стих.

Он в глубине души.

Попробуй, запиши!

+> *Mein schönstes Gedicht wohnt in meiner Seele*

К сожалению, ocasionальное употребление Машей Калеко глагола *schweigen* как переходного остается без внимания переводчика – он заменяет ассертив в последней строке директивом *Попробуй, запиши!* Этим, а также вопросом в первой строке *Мой лучший стих?* усиливается адресатный аспект стихотворения. Обращенность к читателю делает его диалогичным, в то время как исходный текст представляет раздумья автора, благодаря повествовательным предложениям, совпадающим со строками, и проlepsису – вынесению за рамки синтаксической структуры существительного *Gedicht* и замещению его позиции местоимением *es*. Таким образом, экспликация импликации происходит в ущерб передаче эстетической интенции автора.

Возможен и другой прием – замена импликации на другую, адекватную в контексте, который представлен в стихотворении Роберта Гернхардта „Ökumenischer Dialog“:

Robert Gernhardt
ÖKUMENISCHER DIALOG

„Trinken ist ein Laster –
ist das klar, Herr Pastor?“

„Alles klar, Herr Kardinal –
dasselbe bitte noch einmal!“

+> *Schenken Sie mir noch etwas
ein, was ich eben getrunken habe*

Генрих Эйгер
ЭКУМЕНИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

«Пастор, среди мирских утех
Пьянство – это страшный грех».

«Понял я, герр кардинал,
Мне того же в мой бокал!»

+> *Налейте мне того же, что и себе*
+> *Кардинал тоже выпивает*
+> *Церковные служители – пьяницы,
и это плохо*

Высказывание *dasselbe bitte noch einmal!*, принадлежащее одному из персонажей – пастору, порождает импликацию +> *Schenken Sie mir noch etwas ein, was ich eben getrunken habe / Налейте мне еще того же, что я только что пил*. Однако в переводе возникает другая импликация: +> *Налейте мне того же, что и себе*. Это происходит благодаря добавлению переводчиком словосочетания *в мой бокал*, которое, занимая сильную позицию текста, становится триггером импликации.

В исходном тексте этой импликации нет, автор хочет показать пьянство только пастора, передавая его нечленораздельную речь графически. В переводе такое выделение было бы бессмысленным, поскольку противопоставило бы пастора кардиналу, что противоречит импликации.

Более того, на уровне вертикальной коммуникации актуализируется еще одна импликация, автор будто говорит читателю: +> *Кардинал тоже выпивает* +> *Я осуждаю церковных служителей за пьянство*.

Таким образом, это тот случай, когда перевод оказывается интересней и глубже оригинала – так называемый «сверхперевод» [Кашичкин 2003: 19].

Наконец, при переводе импликация может полностью утрачиваться. Пример – стихотворение Роберта Герхардта „Gespräch des Geschöpfes mit dem Schöpfer“:

Robert Gernhardt

GESPRÄCH DES GESCHÖPFES
MIT DEM SCHÖPFER

„Schier sechzig Jahr auf deiner Welt –
bekomme ich jetzt Schmerzensgeld?“

„Mein Kind, mir geht dein Wunsch zu Herzen:
Geld hab ich keins.

Doch kriegst du Schmerzen!“

+> *Wenn man sich Geld wünscht, dann kriegt
man Schmerzen*

Schmerzensgeld +> *Geld bringt Schmerzen*

Генрих Эйгер

РАЗГОВОР СОЗДАТЕЛЯ
И ТВОРЕНИЯ

«Я прожил полвека –
страх и мученья!

Прошу за моральный ущерб
возмещенья!»

«Нет денег в казне, но взамен
обещаю:

Останутся муки. А страх я
снимаю!»

Триггером импликации выступает сложное существительное *Schmerzensgeld*, отражающие композитную специфику немецкого языка. Его соответствие в русском – ‘денежная компенсация за моральный или материальный ущерб’.

Благодаря фигуре хиазма – перестановки композитных элементов *Schmerzen* и *Geld* – возникает импликатура +> *Wenn man sich Geld wünscht, dann kriegt man Schmerzen*, а также окказиональное значение слова *Schmerzengeld* +> *Geld bringt Schmerzen* / *Деньги приносят боль*. Переводчик не находит возможности воспроизвести эти импликации, но передает хиазм. Он обыгрывает в хиазме слова *страх* и *мученья*. Смысл немного меняется. Кроме того, из-за отсутствия смысловой некогруэнтности, создаваемой высказыванием *Mein Kind, mir geht dein Wunsch zu Herzen* / *Дитя мое, я понимаю твое желание*, которое остается не воспроизведенным, ослабевает комический эффект.

Следовательно, из-за потери импликации и референтивная, и эстетическая интенция автора остаются не в полной мере отраженными в переводе.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ позволяет суммировать возможности воспроизведения импликатур исходного текста в переводе:

1. Сохранение импликации:

- 1-1) с сохранением порождающего высказывания,
- 1-2) с грамматической модификацией порождающего высказывания,
- 1-3) с заменой порождающего высказывания.

2. Утрата импликации:

- 2-1) экспликация импликации,
- 2-2) замена ее на другую импликацию,
- 2-3) полная утрата.

Анализ переводов немецкоязычных поэтических миниатюр Г. Эйгера дает возможность убедиться, что теория импликатур Г.П. Грайса является действенным инструментом установления закономерностей воспроизведения имплицитных смыслов при переводе поэтических текстов.

Перспективным представляется рассмотрение механизмов воспроизведения различных типов импликатур при переводе художественных текстов разных жанров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баклан І.М. Відтворення імпліцитності у перекладі текстів німецькомовного офіційно-ділового дискурсу : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.16 / І.М. Баклан. – Херсон, 2016. – 20 с.
2. Безугла Л.Р. Вербалізація імпліцитних смислів у німецькомовному діалогічному дискурсі / Л.Р. Безугла. – Харків : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2007. – 332 с.
3. Безугла Л.Р. Дидактичні аспекти теорії імплікатур / Л.Р. Безугла // Сучасні фундаментальні теорії та інноваційні практики навчання іноземної мови у вузі. – Х. : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2013а. – С. 114–138.
4. Безуглая Л.Р. Прагмапоэтика в когнитивном измерении // Вісник Київ. нац. лінгв. ун-ту. Серія «Філологія». – 2013b. – Т. 16, № 2. – С. 20–27.
5. Кашичкин А.В. Имплицитность в контексте перевода : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.20 / А.В. Кашичкин ; МГЛУ. – М., 2003. – 26 с.
6. Нефедова Л.А. Когнитивно-типологический аспект имплицитивной коммуникации (на материале французских текстов и их переводов на русский язык) : автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.02.20 / Л.А. Нефедова ; УГПУ. – Екатеринбург, 2001. – 41 с.
7. Почепцов Г.Г. Избранные труды по лингвистике / Г.Г. Почепцов. – Харьков : ХНУ им. В.Н. Каразина, 2009. – 556 с.
8. Эткинд Е.Г. Разговор о стихах / Е.Г. Эткинд. – СПб. : ДЕТГИЗ, 2004. – 240 с.
9. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика / Р.О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М. : Прогресс, 1975. – С. 193–230.

10. Bouton L.F. Conversational Implicature in a second Language: Learned Slowly when not Deliberately Taught / L.F. Bouton // *Journal of Pragmatics*. – 1994. – Vol. 22. – P. 157–167.
11. Grice H.P. *Studies in the Way of Word* / H.P. Grice. – Cambridge (Mass.), L. : Harvard Univ. Press, 1991. – 406 p.
12. Harras G. Jenseits von semantischen Konventionen – zum Beispiel: tautologische Äußerungen / G. Harras // *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. – 1999. – Heft 27. – S. 1–12.
13. Heringer H.J. Gricesche Maximen und interkulturelle Kommunikation / H.J. Heringer // *Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht*. – 1994. – Heft 25. – 2. Halbjahr. – S. 40–49.
14. Levinson S.C. *Pragmatik* / S.C. Levinson ; ins Dt. üb. von M. Wiese. – Tübingen : Niemeyer, 2001. – 476 S.
15. Meibauer J. *Pragmatik* / J. Meibauer. – Tübingen : Stauffenburg, 2001. – 208 S.

REFERENCES

- Baklan, I.M. (2016). *Vidtvorennya implitsynosti u perekladi tekstiv nimetskomovnogo ofitsijno-dilovogo diskursu [Reproducing implicitness in German business discourse texts translation]*. (Candidate dissertation synopsis). Kyiv National Linguistic University, Kyiv, Ukraine. (in Ukrainian).
- Bezugla, L.R. (2007). *Verbalizaciya implicytnykh smysliv u nimeczkomovnomu dialogichnomu diskursi [Verbalization of implicit meanings in German dialogical discourse]*. Kharkiv: Karazin University Publ.
- Bezugla, L.R. (2013a). Dydaktychni aspekty teorii implikatur [Didactic issues of the implicature theory]. *Suchasni fundamental`ni teorii ta innovacijni prakty`ky` navchannya inozemnoy movy` u vuzi. – Modern fundamental theories and innovative practices of foreign languages teaching in high schools*, pp. 114–138. (in Ukrainian)
- Bezuglaja, L.R. (2013b). Pragmapojetika v kognitivnom izmerenii [Pragmapoetics in cognitive dimension]. *Visnyk Kyiv nats. linhv. un-tu. – Kyiv Nat. Linguistic University Messenger*, 16 (2), pp.20–27. (in Russian)
- Bouton, L.F. (1994). Conversational implicature in a second language: Learned slowly when not deliberately taught. *Journal of Pragmatics*, 22, 157–167.
- Grice, H.P. (1991). *Studies in the way of word*. Cambridge (Mass.), London: Harvard Univ. Press.
- Harras, G. (1999). Jenseits von semantischen Konventionen – zum Beispiel: tautologische Äußerungen. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 27, 1–12.
- Heringer, H.J. (1994). Gricesche Maximen und interkulturelle Kommunikation. *Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht*, 25(2), 40–49.
- Jakobson, R.O. (1975). Lingvistika i pojetika [Linguistics and poetics]. *Strukturalizm: “za” I “protiv”*. – *Structuralism: pro and contra*, pp. 193–230. (in Russian).
- Jetkind, E.G. (2004). *Razgovor o stihah [Talk about poetry]*. SPb.: DETGIZ Publ.
- Kashichkin, A.V. (2003). *Implicitnost' v kontekste perevoda [Implicitness: translation methods]*. (Candidate dissertation synopsis). Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia. (in Russian).
- Levinson, S.C. (2001). *Pragmatik*. Tübingen: Niemeyer.
- Meibauer, J. (2001). *Pragmatik*. Tübingen: Stauffenburg.
- Nefedova, L.A. (2001). *Kognitivno-tipologicheskij aspekt implikativnoj kommunikacii (na materiale francuzskih tekstov i ih perevodov na russkij jazyk) [Cognitive and typological issues of implicative communication (on material of French texts and its translation in Russian)]*. (Doctor dissertation synopsis). Ural State Pedagogic University, Yekaterinburg, Russia. (in Russian).
- Pocheptsov, G.G. (2009). *Izbrannye trudy po lingvistike [Selected papers in linguistics]*. Kharkiv: Karazin University Publ.

Источники иллюстративного материала

1. Yeyger G. Augenblicke: Nachdichtungen russischer und deutscher Lyrik / Genrikh Yeyger. – Berlin : Lit Verl., 2006. – 101 S.
2. Yeyger G. Einblicke: Nachdichtungen russischer, ukrainischer und deutscher Lyrik / Genrikh Yeyger. – Berlin : Edita Gelsen, 2009. – 163 S.

Безуглая Лилия Ростиславовна – доктор филол. наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (пл. Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина); e-mail: bezugla@daad-alumni.de

Bezugla Liliia – PhD (doctor of science), Full professor, V.N. Karazin Kharkiv National University, Department of German Philology and Translation (Maidan Svobody, 4, Kharkiv, 61022 Ukraine); e-mail: bezugla@daad-alumni.de